

С РАБОЧЕГО СТОЛА УЧЕНОГО

УДК 821.161.1-3:070(091)
ББК ШЗЗ(235.55)5-444.5+Ч003

ГСНТИ 17.09.91

Код ВАК 10.01.01

Е. К. Созина
Екатеринбург, Россия

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА ЮЖНОГО УРАЛА В РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ 1820–1830-Х ГГ.¹

Аннотация. В статье рассматриваются истоки складывания этнографического направления в русской литературе 1820-х — начала 1830-х гг. Обычно его ведут от произведений В. И. Даля и его «школы», сложившейся уже в 1840–50-е гг. Однако интерес к этнографии не только русского народа, но и других многочисленных народов Российской империи активно проявляли русские журналы начала века, среди которых, в частности, выделяются «Отечественные записки» П. П. Свиньина. Изображение «внутренних» и «внешних» окраин империи входило в редакционные задачи журнала. Достаточно частым автором в нем был оренбургский поэт, военный чиновник П. М. Кудряшев. Он работал в жанре «восточной» повести — башкирской, казахской, калмыкской, татарской, иногда русской (южноуральской), выстраивая ее на совмещении занимательного любовно-авантюрного сюжета и этнографических элементов. Кудряшев хорошо знал быт и нравы башкир, на земле которых располагался Оренбургский гарнизон, и своими повестями дал пример изображения этого народа, которому следовали другие массовые писатели, в 1830-е гг. публиковавшиеся в казанском журнале «Заволжский муравей».

Ключевые слова: этнография, этнографическая беллетристика, уральская литература, журналистика, журналы.

Е. К. Sozina
Ekaterinburs, Russia

ETHNOGRAPHIC FICTION OF THE SOUTH URAL IN THE RUSSIAN PRESS OF 1820–1830-s

Abstract. The roots of the ethnographic style, which was formed in the Russian literature in 1820s — the beginning of 1830s, is examined in the article. It is usually traced to the works of V. I. Dal and his «school» established in 1840–1850-s. But Russian magazines of the beginning of the 19th century showed a great interest to ethnography not only of Russian nation but also of other numerous nations of the Russian Empire. The magazine «Notes of Fatherland» («Otechestvennye zapiski») of P. P. Svinjin is one of them. The image of «internal» and «external» borderlands of the empire was one of the tasks of the magazine. Its frequent author was Orenburg poet and military official P. M. Kudryashev. He wrote in the genre of the «eastern» story — Bashkir, Kazakh, Kalmyk, Tatar and Russian sometimes (the South Ural). His stories were built on a combination of entertaining love-adventure plot with ethnographic elements. Kudryashev knew the life and customs of the Bashkirs quite well because of the Orenburg garrison was on the Bashkir land. In his stories he gave the example of depiction of these people, and other popular writers followed him. These stories were often published in Kazan magazine «Zavolzhsky Ant» in 1830-s.

Keywords: ethnography, ethnographic fiction, literature of the Urals, journalism, magazine.

Этнографическая беллетристика — явление, возникшее в русской литературе, как считается, ближе к середине XIX в. и приобретшее статус направления во второй половине столетия, главным образом благодаря народническому движению и писателям, его представлявшим. В русской печати об этнографической литературе как уже состоявшемся факте широко заговорили в 1860-е гг. Рецензент журнала «Современник» за 1864 г. писал: «...Этнографическая литература получила особенный смысл. Она становилась для общества средством познакомиться со множеством тех различных условий и отношений быта, которые прежде ускользали от его внимания, или вовсе не интересовали его и были ему неизвестны» [Новые книги 1864: 55]. В фундаментальном труде А. Н. Пыпина «История русской этнографии» временем формирования этнографии как науки называются 1840-е гг. — период, когда одновременно происходит «решительный перелом» в литературе, и она «овладевает реально-правдивым изображением народной жизни» [Пыпин

1890: 424]. Чаще всего поворот литературы к этнографии, состоявшийся в 40-е гг., связывают с именем В. И. Даля и его как литературной, так и собирательской деятельностью, в полной мере развернувшейся во время его пребывания в Оренбуржье (1833–1841), куда Даль был направлен чиновником по особым поручениям. К этнографической «школе Даля», сложившейся в отечественной словесности в 40–50-е гг., относят А. А. Потехина, А. Ф. Писемского, П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова, примыкали к ней А. Н. Островский, С. В. Максимов и др. [см. Соколова 1992; Фокеев 2002; Фокеев 2004; Чеботарева 2009; Юган 2015]. А. Л. Фокеев, не отвергая понятие «школа», говорит в этом случае о Дале как родоначальнике «этнографического направления» в русской литературе, которое А. Н. Пыпин определял как «народное» или «общественно-этнографическое» [Фокеев 2004]. Чрезвычайно важным представляется то обстоятельство, что усилия Даля и ряда примкнувших к нему писателей были обращены к изображению не только своего народа (в основном, крестьянства), но и иных народностей, проживающих на территории огромной Российской империи. Эти усилия и интересы писателя, ставшие затем тенденцией, проанализированы в работах Н. Л. Югана. «В русле литературно-

¹ Статья подготовлена в русле проекта РГНФ № 160400118 «На границе литературы и факта: языки самоописания в периодической печати Урала и Северного Приуралья XIX — первой трети XX века».

этнографической школы, — пишет исследователь, — формируется направление, осваивающее инациональную этнографию, изображающее национально-культурное своеобразие многочисленных российских народностей» [Юган 2015: 76].

Надо, однако, сказать, что тенденция, ярко выразившаяся в творчестве Даля, его современников и продолжателей, была заложена несколько ранее и проявляется в том интересе, который питали русские журналы первых десятилетий века к территориям и народностям России, мало известным широкой, особенно столичной, публике. «Чтения в Беседе любителей русского слова», «Благонамеренный», «Отечественные записки», «Славянин», даже «Вестник Европы» охотно публиковали авторов из провинции, установка на охват разнообразных краев и областей империи нередко определяла их редакционные стратегии. В конце 1810-х гг. известный просветитель, историк Г. И. Спасский издает журналы «Сибирский вестник» (1818–1824), посвященный, соответственно, «сибирике», и «Азиатский вестник» (1825–1827) — в основном, о странах Центральной и Юго-Восточной Азии; правда, оба они выходили в Петербурге. Другой известный издатель того времени, П. П. Свиньин в программе «Отечественных записок» на 1822 г. указывал, что «...одно *отечественное, оригинальное* (курсив автора. — Е. С.) будет в нем помещаемо и состоит из следующих предметов...», среди которых назывались «1) Журналы многих никому неизвестных русских путешественников по России, Бухарии, Кавказу, Киргизской степи и чужим краям. <...> 3) Наблюдения издателем Москвы, Киева, Владимира и других классических отечественных городов и мест. <...> 7) Описание Сибирских рудников и заводов» [Свиньин 1822: 1–2]. В силу личных пристрастий и амбиций Свиньина интерес его имел достаточно широкий, даже эклектичный охват, и хотя, по свидетельству современников, журнал в основном был посвящен «единственно русскому и России» [Данилов 1915: 119], именно в нем на протяжении второй половины 1820-х — начала 1830-х гг. публиковалось наибольшее количество материалов, дающих представление об инациональном населении страны. Стоит также упомянуть журнал «Заволжский муравей», издававшийся в Казани в 1832–1834 гг. и посвященный, в первую очередь, Заволжскому краю или Восточной России (см. о нем: [Казанская периодическая печать; Созина 2016]).

По нашим наблюдениям, именно в пестром, зачастую хаотическом пространстве отечественной журналистики, в ее разноформатных, разножанровых материалах конца 1810-х — 1820-х и 1830-х гг. и рождалась на свет та область литературного творчества, что позднее получила название этнографической беллетристики или этнографической прозы. Чаще всего этнографическое направление получало отражение в тех статьях, что ныне зовутся травелогами. Точное определение жанров этих сочинений дать затруднительно, материалы подобного рода были достаточно синкретичны и носили промежуточный, документально-беллетристический характер. Сюда можно отнести записки путешественников, описания городов и от-

дельных местностей, исторические очерки опять-таки с элементами путешествий, статьи, повести, письма, анекдоты и т. д. — многое из этого журнального «сора» находило пристанище в разделе «Смесь», обязательно присутствующем в русских изданиях XIX в. Соединение документального и художественно-беллетристического начал с пристальным вниманием к «чужому», «другому» образу мира, со стремлением запечатлеть его как можно яснее и в то же время занимательнее для читателя создает содержательную специфику этнографической литературы, сочетающей, таким образом, познавательно-информативные и развлекательные задачи, через посредство занимательного элемента внедряющей в сознание читателя новую информацию и определенную идеологию, чаще всего колониально-просветительского характера (см. об этом: [Созина 2015]).

Рассмотрим рождение указанного феномена на примере околomассовой литературы второстепенных и третьестепенных талантов, чаще всего заполнявших страницы вышеназванных русских журналов. С середины 1820-х гг. постоянным автором «Отечественных записок» П. П. Свиньина становится **Петр Михайлович Кудряшев** (1797–1827), служивший в военной комендатуре Оренбургского гарнизона, а в свободное время занимавшийся сочинительством. Имя его упоминается в книгах Н. Н. Трубицына [Трубицын 1915: 482], В. М. Жирмунского [Жирмунский 1978: 230, 278–279, 294, 326], о нем неоднократно писал М. Г. Рахимкулов [Рахимкулов 1960; Рахимкулов 1972; Рахимкулов 1982], а не так давно верхнеуральский историк и краевед А. М. Вернигоров собрал и выпустил в свет две книги стихов и прозы своего земляка [Кудряшев 2013; Кудряшев 2014]. Кудряшев переписывался со Свиньиным — его письмо с описанием ряда маршрутов по Южному Уралу и автоцитацией стихов Свиньин затем опубликовал в журнале в составе своего некролога на смерть поэта-офицера [Свиньин 1828]². В 1824 г. Свиньин посетил Оренбург и лично встретился с Кудряшевым. Он «нашел в нем стройного молодого мужчину, высокого роста, с томными темно-голубыми глазами и выразительным взглядом, полным кротости, добродушия и откровенности. Величавое чело, омраченное какою-то меланхолией, показывало болезненное состояние души его — и точно: злоба и зависть ввергли его в то плачевное состояние, в котором я нашел его! Действие их ужасного яда скоро довело его до могилы...» [Свиньин 1828: 164–165] (упомянем, что это единственное описание внешности Кудряшева, дошедшее до нас).

Начальный период творчества Кудряшева характеризовался вхождением в русскую поэзию 1800–1810-х гг. — освоением системы устойчивых жанровых стилей, тяготением к просветительской, запоздало-сентименталистской поэтике, и в силу короткости творчества поэта ему так и не удалось окончательно выйти из этой системы. Однако ближе к середине 1820-х гг. рядом со стихами, написанны-

² Письмо Кудряшева П. П. Свиньину, а также внушительную подборку его произведений см. также: [Кудряшев 1961: 135–141].

ми в стандартных для тогдашней журнальной поэзии жанрах, появляются «отрывки» из романтической поэмы Кудряшева, выполненные на башкирском материале («Абдрахман»), и стихотворения башкирской тематики, обозначенные им самим как «переводы» с башкирского, в которых фактически впервые в русскую литературу вводился этот народ азиатской «внутренней окраины» империи³, а также прозаические повести, следующие жанровому канону романтической поэмы, но разворачивающие его в сторону усиления познавательного-этнографического начала. Не случайно В. М. Жирмунский усматривал в произведениях Кудряшева тенденцию этнографического романтизма, характерную для литературы позднепушкинской эпохи. Это такие повести Кудряшева, как «Киргизский пленник. Быль Оренбургской линии» [Кудряшев 1826], «Искак. Татарская повесть» [Кудряшев 1830], «Даржа. Калмыцкая повесть» [Кудряшев 1829], «Абдряш. Башкирская повесть» [Кудряшев 1827], «Сокрушитель Пугачева, Илецкий казак Иван. Оренбургская повесть» [Кудряшев 1829б]. Все они могут быть отнесены к жанровой разновидности «восточной» повести, представленной в русской литературе как просветительскими нравоучительными произведениями И. Крылова, А. Измайлова, А. Бенитцкого, так и располагающимися уже в новой романтической парадигме повестями и поэмами Ф. Глинки, М. Лермонтова (поэма «Демон» имела подзаголовок «Восточная повесть»), А. Бестужева-Марлинского, О. Сенковского и др. (о жанре «восточной» повести см.: [Кубачева 1962; Данильченко 1991; Рахманов 2016]). Если «Киргизский пленник» Кудряшева во многом следовал пушкинско-байроновскому образцу, подробно проанализированному Жирмунским и, как показал он же, имевшему в литературе 1820-х гг. массу подражаний, то остальные повести оренбургского поэта были более оригинальны хотя бы по материалу и обнаруживали его близкое знакомство с языками и нравами разных народов отечественного Востока — азиатского, не кавказского. Во всех повестях Кудряшева мы находим сочетание литературного романтизма и интуитивно нащупываемой струи достоверного повествования, за которой было будущее русской литературы. «Единодержавие» традиционного романтического героя нарушается в них введением пространных описаний образа жизни народа, его обычаев, верований, быта и рода занятий, окружающей природы, сведений из истории края. Все они воссоздавали колорит жизни восточных народов, поэтому их фактуальность, наряду с обязательной любовной фабулой в центре беллетристического сюжета, также была типологична и «делана» по одной матрице. Это отмечал сам Кудряшев в письме Свиньину: «Может статься, что сии повести однообразны, но этого избежать было невозможно, потому что, при сочинении их, я поставил

себе за правило не упускать из виду разнородных обрядов, суеверий, предрассудков, обыкновений и, по возможности, старался включать оные в повествование, чтобы короче познакомить читателей с действующими лицами» [Кудряшев Письма: л. 13]. Введение этнографического и исторического элемента в жанровую форму романтической поэмы/повести, приурочивание места и времени действия в произведении к определенному, хорошо знакомому автору, вполне реальному хронотопу — все эти моменты, характерные в конце 20-х — 30-х гг. для творчества не одного Кудряшева, но и некоторых других авторов позднего романтизма, по сути, разрушали романтический канон, и повести такого рода становились уже достоянием беллетристики — относительно нового, нарождающегося в России вида или типа литературы. При этом сам беллетристический сюжет с любовной фабулой в центре не был для автора самоцелью, но выполнял роль своего рода структурного механизма, связующего все элементы повествования.

В качестве примера рассмотрим одну повесть Кудряшева, поскольку по своей структуре они идентичны, а иные из них уже были нами освещены [Созина 2010]. «Башкирская повесть» «Абдряш» выполнена на исторической основе с привлечением фольклорных мотивов и рассказывает, как писал М. Г. Рахимкулов, «о скорбных драматических событиях, произошедших в Башкирии в 50-е гг. XVIII в.» [Рахимкулов 1972: 128]. Композиционно повесть делится на небольшие главы в соответствии с центральными событиями рассказа, каждую главу предваряет эпиграф, где перемежаются строки стихов Г. Державина, В. Жуковского, Я. Княжнина, А. Мерзлякова, А. Крюкова, самого Кудряшева, П. Размахнина, дающие своего рода «ключи» для интерпретации сюжетных событий и выражающие позицию автора (этот же прием был позднее применен А. С. Пушкиным в «Капитанской дочке»). Например, перед главкой «Исторические сведения» дается эпиграф из Державина: «История — есть цепь злодейств!», перед главкой «Башкирская девушка» — из Жуковского: «Как часто редкий перл, волнами сокровенной, В бездонной пропасти сияет красотой! <...>» и т. д. Достаточно большое место занимает экспозиция. Здесь в риторике возвышенного представлен «Взгляд на Башкирию» — описание географического и природного ландшафта края, изобилующее общими местами тогдашней журнальной литературы, но подводящее к «Историческим сведениям» об этом крае, где упоминаются шесть восстаний башкир против российского владычества, из них последнее — то, что произошло во время пугачевского бунта. Рассказ о «Начале и происхождении баранты» автор предваряет своего рода определением данного явления: «*Барантою* называется вредное обыкновение, вкоренившееся между башкирцами и киргизцами и заключавшееся во взаимных набегах друг на друга, убийстве, угоне скота и грабеже» [Кудряшев 1827, № 81: 133] — и не скрывает, что причиной распространения баранты и вражды двух соседних народов стал указ оренбургского губернатора И. И. Неплюева, по которому киргизы получили право

³ Термин «внутренние окраины» применяется сегодня по отношению к ряду территорий Российской империи в отличие от центра и «внешних окраин». Оренбургский край в XIX в. состоял именно в таком (промежуточном) статусе [см. Любичанковский 2013].

«взять себе в добычу все имение, жен и дочерей перебежавших к ним башкирцев» (т. е. бежавших в степи от наказания за бунт против России). «Это чрезмерно раздражило башкирцев и произвело между ними и киргизцами жесточайшую вражду, которая превратилась в сильнейшую наследственную ненависть» [Кудряшев 1827, № 81: 135].

Переходя к конкретному жизнеописанию башкирского аула, автор оставляет высокую риторичность, но вновь возвращается к ней, изображая своего центрального героя в духе рыцарских романов В. Скотта и его последователей: «При воззрении на него вы бы имели довольно достаточную причину подумать, что сей воин есть один из рыцарей Круглого стола, тяжкого меча или черного орла и проч. и проч. Нет! Сей воин не принадлежит к векам давно прошедшим: сей воин есть рыцарь новейших времен — короче: это башкирский старшина, могучий батыр *Абдряш!*» [Кудряшев 1827, № 81: 139]. Представление героя сопровождается подробным описанием его одежды («...малиновая, бархатная шапочка, называемая тубетейкою, красный суконный кафтан, опущенный на широкие шаровары и опоясанный шелковым кушаком» [Кудряшев 1827, № 81: 140] и т.д.). Абдряш прославляется как лучший среди башкир, имя и подвиги его по праву «сохранили ... от забвения» «башкирские песнопевцы» [Кудряшев 1827, № 81: 141], но, по логике сюжета, именно он становится зачинщиком очередной баранты. Он благороден и спасает от разбойников киргизский караван, следующий из Бухары в Оренбург. Но он же, предводительствуя отрядом соплеменников, разоряет киргизские аулы и, движимый чувством мести за убийство своей возлюбленной, приказывает убить всех жителей того аула, где пребывала в плену его Зюлима. «Прошла ночь, наступило утро, взошло блестящее солнце и — осветило ужасную картину: весь аул был разрушен и разграблен; трупы убитых киргизцев лежали грудками; самая поверхность вод реки Хобды покрылась кровью!» [Кудряшев 1827, № 83: 514].

Процесс развития массовой беллетристики носит обычно кумулятивный характер, и механизм подобного рода складывался уже в интересующий нас период. Повесть Кудряшева как раз позволяет его отследить. В более позднем произведении Н. Н. Кафтаникова «Араслан-бобр», в 1833 г. опубликованном в казанском журнале «Заволжский муравей», наблюдается близкое к нарративу Кудряшева описание баранты, учиненной из жажды мести башкирским батыром Арасланом, которому, однако, в сходной с Абдряшем ситуации удается спасти свою невесту *Зюлиму* от смерти. «...Он приказал дружине своей не щадить киргизов, колоть без разбора стариков, женщин и самых детей, оставшихся еще в живых. Немногие спаслись от смертоносных сабель и губительных пик. Весь аул был разграблен и истреблен; трупы убитых лежали грудками» [Кафтаников 1833, № 5: 262]. Текстуальное сходство эпизодов доказывает, что в процессе создания своего произведения Кафтаников мог использовать не только «башкирскую повесть» Т. Беляева «Куз-Курпяч» [см. Хуббетдинова 2011: 46–52], но и башкирскую же повесть

Кудряшева «Абдряш» (в этом контексте примечательно одно и то же имя героини).

Достаточно близким оказывается изображение башкирского аула у Кудряшева и в небольшой зарисовке «Картина башкирской жизни» его друга, преподававшего тогда в Оренбургском училище, а затем уехавшего в Пермь, П. Е. Размахнина, в 30-е гг. также публиковавшегося в «Заволжском муравье». Вот фрагменты пространного описания башкирского аула «Бурзянской волости» у Кудряшева: «Многочисленные табуны и стада рассыпались по долине и составляли удивительную пестроту. Ржание коней, мычание коров и блеяние коз и овец раздавались в воздухе. Тонкий дым выходит из кошей и расстилался по долине. <...> Все показывало простоту, беспечность, непринужденность; все напоминало времена патриархальные!» [Кудряшев 1827, № 81: 136–138]. У Размахнина: «Представьте себе высокие горы, покрытые густым лесом, зеленые и цветущие долины, шумящие ручьи или целые реки и обширные озера — и вы будете иметь понятие о местах, занимаемых в летнее время кочевьем башкирского народа; прибавьте к тому разбросанные в разных местах юрты, из которых выходит тонкий дым и расстилается по вершинам гор; многочисленные стада коз, овец, коров и табуны лошадей; их рев, ржанье и топот — и в воображении вашем составит картина, возбуждающая приятное мечтание о давних мирных временах и беззаботном хозяйстве патриархального века» [Размахнин 1832: 159]. И в том и другом случае развивается идиллический топос вольной жизни «естественных» людей на лоне природы, который следует признать общим местом в описании картин жизни «полудиких» племен, своего рода «формулой», если воспользоваться языком фольклористики, вошедшим в обиход исследователей массовой литературы. Но Размахнин идет дальше: он соединяет в один период описание природных особенностей края и образа жизни его обитателей, концептуализирует эту картинку как своего рода «золотой век» человечества. И если летом жизнь башкир вызывает у автора самые приятные, романтические чувства, то зимой «Ни чистоты, ни опрятности от башкирцев не спрашивайте; и потому вы, приходя в хижину их, встречаете сор, грязь и чувствуете неприятный запах паров, выходящих из кипящего котла, наполненного мясом, и проч.» [Размахнин 1832: 157]. Произведения этих двух беллетристов разделяет небольшой срок — всего пять лет, однако Размахнин уже двинулся далее по пути развития достоверного повествования, эффект которого создается с помощью более точных, натуралистически верных деталей. «Этнографизм» Кудряшева более мягкий, сдерживаемый литературными конвенциями эпохи и самого жанра, чаще всего он ограничивается историческим комментарием, ретардирующим развитие сюжета, и фольклорными вкраплениями — передачей башкирских песен.

Характерно, что, изображая чужой народ, Кудряшев словно перенимает его точку зрения на события. Так, он неоднократно именует Абдряша героем, знаменитым батыром, подчеркивая, что в расправе над киргизами он был движим жаждой мщения —

чувством благородным. Автор не видит или, по крайней мере, не подчеркивает в сценах массового убийства степных народов особого драматизма: такова их жизнь, их обычаи. Тем не менее, в целом автору свойствен достаточно демократический, общегуманистический взгляд на народ, традиционно присущий русской интеллигенции: несмотря на все различия в образе жизни и быте, башкиры и русские равны в сфере чувств, гражданских поступков. Так, рассказ о любви Абдюраша и его невесты сопровождается наивно-просветительской сентенцией автора, своего рода антропологической максимой: «Ветреный француз и дикий готтентот, степенный англичанин и зверообразный кафр, образованный русский и непросвещенный башкирец — все подвержены власти любви, все состоят под деспотическими ее законами» [Кудряшев 1827, № 81: 143]. Отношение автора к изображенным событиям выражается прямо в «Заключении», где он не забывает проговорить похвалу нынешнему администратору края: «Читатели наши видели, какое жестокое зло происходило от баранты. Ныне, благодаря заботливости мудрого Российского правительства и хорошим распоряжениям теперешнего Оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эссена, означенное зло совершенно прекратилось — и башкирцы отнюдь не смеют самовольно отлучаться за границу...» [Кудряшев 1827, № 83: 518]. Здесь историко-беллетристическая сюжетная линия переводится в план настоящего, по сути, очеркового повествования, рассказывающего о событиях продолжающихся, имеющих место и по сию пору: «К поимке упомянутых варваров (не повинующихся закону. — Е. С.) предпринимаются строжайшие меры — и если злодеи будут схвачены, то, обыкновенно, судятся в Оренбургской Пограничной комиссии и за преступления свои получают достойную кару» [Кудряшев 1827, № 83: 520]. Таким образом, сам автор выступает безусловным сторонником российского господства на башкирских и близких к ним киргизских землях.

Интерес, питаемый Кудряшевым к жизни индигенных народов, и его тяга к достоверности получили отражение в ряде очерков, также опубликованных П. П. Свиным в своем журнале. Редактор-издатель «Отечественных записок» поощрял внимание авторов к народам, проживающим на просторах Российской империи. Еще при жизни Кудряшева были опубликованы его очерки «Предрассудки и суеверия башкирцев» [Кудряшев 1826б], где актуальная для романтизма тема освещалась с рациональной, вполне трезвой точки зрения. Опубликованный очерк Кудряшева был взят Свиным из его большой работы, где последовательно описывались разные сферы жизни башкир: просвещение, религия, обряды, образ жизни, пища и питье, одежда, музыкальные инструменты, игры и увеселения, воинские упражнения — по плану автора, здесь было 26 пунктов. Вероятнее всего, эта работа была частью «Истории Башкирской», которую, согласно некоторым сведениям, Кудряшев писал и, более того, написал⁴, но которая до нас не дошла.

Автор и здесь занимает позицию просвещения и гражданственности, для него башкиры — не менее достойный объект описания, чем любой другой народ. «Ежели в просвещеннейших странах Европы, например, в Англии и Франции, встречаются самые смешные, самые странные суеверия и предрассудки... то можно ли, должно ли удивляться, встречая подобную сему заразу между башкирцами — народом, далеко отставшим на стезе гражданской образованности от просвещеннейших европейцев?» [Кудряшев 1826б, № 78: 65]. Он подробно и с нескрываемой подчас иронией, вводя соответствующие башкирские наименования, описывает башкирских «чернокнижников», их гадания и прорицания, народные праздники, в частности, сабантуй — «смесь народных обыкновений и духовных обрядов», передает некоторые легенды (об основании Казани, о болгарском городе Буляр и др.), обычаи башкир, а в финале выражает надежду на рост образования и прогресса в среде как башкир, так и киргиз-кайсаков (казахов) — народа совсем «полудикого». При этом просвещение, колонизация и христианизация степных народов выступают в одном дискурсе — как, собственно, это и было в «проекте модерн»: «Приятно думать, что на берегах рек: Уила, Эмбы, Хобды, Куван и Сыр-Дарьи, где обитает ныне буйная вольность... через несколько лет будут раздаваться имена Ломоносова, Державина, Карамзина... <...> Приятно надеяться, что, может быть, наступит такое время, в которое христианская религия рассеет мрак, облегчающий ныне пустынные степи киргиз-кайсацкие...» [Кудряшев 1826б, № 79: 223].

Продуктивность Кудряшева и та быстрота, с которой он писал свои повести, во многом обусловились запросом со сторон «адресатов» этих произведений. В 1820-е гг. Россия начинала заново открывать свои внутриколониальные владения, так что интерес к жизни азиатских народов был велик. Как уже говорилось, его активно стимулировали журналы. Редактор-издатель «Отечественных записок» П. П. Свиным, посвятивший Кудряшеву полноценный очерк, писал: «После нескольких свиданий наших, открыв в Кудряшеве большие сведения о башкирцах, киргис-кайсаках и прочих соседственных азиатских народах, коих и язык ему был совершенно знаком, — я посоветовал ему не предаваться исключительно поэзии, а заняться такими трудами, кои бы со временем принесли очевидную пользу ему и словесности русской, обогатив ее новыми произведениями роскошного Востока. Кудряшев почувствовал истинное направление своего таланта и, в течение двух лет после того, несмотря на болезненное и неприятное положение свое, написал...» (далее перечисляются его повести этнографически-

Свиному, где он, в частности, сообщал: «Статистическое описание башкирского народа мною уже окончено. Остается одна историческая часть, которая несколько затрудняет меня по причине недостатка книг, нужных по сему предмету...» [Кудряшев Письма: л. 4об.], а позднее рассказывал о потере своих бумаг во время одной из поездок по краю (там было и «черновое описание Башкирии»). Как о написанной «Истории Башкирии» сообщал в статье о Кудряшеве сам П. П. Свиным [Свиным 1928: 169].

⁴ См.: [Прокофьева 2006: 119]. Вероятно, предположение основано на письмах самого Кудряшева

ориенталистской направленности, не все их которых известны нам сегодня) [Свиньин 1828: 169]. «Если бы Вы при “Отечественных Записках” издавали прибавления литературные, — писал сам поэт Свиньину, — тогда бы я был ревностным сотрудником Вашим и в течение года, ежемесячно присылал бы по одной прозаической повести и по целой тетради стихотворных пьес» [Кудряшев Письма: л. 14об.]. Следует добавить, что за прозаическими повестями Кудряшева, несмотря на всю их внешнюю простоту и незамысловатость, открывалась перспектива большой русской литературы всего XIX в., традиция прозы в которой интенсифицировалась вскоре после его смерти, когда была опубликована большая часть написанных им текстов — экспликантов национальных образов мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Данилов В. В. Дедушка русских исторических журналов («Отечественные записки» П. П. Свиньина) // Исторический вестник. — 1915. — Т. 141. — № 7. — С. 109–129.
- Данильченко Г. Д. «Восточная» повесть в русской литературе XIX века: (К вопросу о жанрово-стилевом своеобразии отражения темы Востока в русской литературе первой половины XIX века) // Русская литература XIX в.: метод и стиль. — Фрунзе: Кирг. гос. ун-т им. 50-летия СССР, 1991. — С. 42–52.
- Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. — Л.: Наука, 1978. — 424 с.
- Казанская периодическая печать XIX — начала XX века: библиогр. указатели. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. — 87 с.
- Кафтанников. Араслан-бабр. Башкирская повесть // Заволжский муравей. — 1833. — Ч. 1. — № 1. — С. 3–19; № 3. — С. 129–145; № 5. — С. 246–266.
- Кубачева В. Н. «Восточная» повесть в русской литературе XVIII — начала XIX века // XVIII век. Сб. 5. — М.; Л.: Наука, 1962. — С. 295–315.
- Кудряшев П. М. Письма П. П. Свиньину // РО РНБ. Ф. 679. Свиньин. Оп. 1. Ед. кр. 76.
- Кудряшев П. Киргизский пленник. (Быль Оренбургской линии) // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 28. — № 79. — Ноябрь. — С. 273–290.
- Кудряшев П. Предрассудки и суеверия башкирцев // Отечественные записки. — 1826. — Ч. 28. — № 78. — Октябрь. — С. 65–82; № 79. — Ноябрь. — С. 206–223.
- Кудряшев П. Абдраш. Башкирская повесть // Отечественные записки. — 1827. — Ч. 29. — № 81. — Янв. — С. 126–145; № 82. — Февр. — С. 322–508; № 83. — Март. — С. 509–520.
- [Кудряшев П.] Даржа. Калмыцкая повесть (без подп.) // Отечественные записки. — 1829. — Ч. 39. — № 113. — Сент. — С. 379–401; Ч. 40. — № 114. — Окт. — С. 67–86.
- Кудряшев П. Сокрушитель Пугачева, Илецкий казак Иван (Оренбургская повесть) // Отечественные записки. — 1829. — Ч. 40. — № 115. — Ноябрь. — С. 233–259; № 116. — Дек. — С. 423–447.
- Кудряшев П. Искак. Татарская повесть // Отечественные записки. — 1830. — Ч. 43. — № 124. — Авг. — С. 164–193; № 126. — Окт., нояб., дек. — С. 43–106.
- Кудряшев П. М. <Соч.> // Башкирия в русской литературе: в 5 т. / сост., предисл. и др. М. Г. Рахимкулова. — Т. 1. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1961. — С. 71–141.
- Кудряшев П. М. Сочинения. — Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2013. — 304 с.
- Кудряшев П. М. Стихотворения. — Челябинск: Изд-во Игоря Розина, 2014. — 128 с.
- Любичанковский С. В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский исторический вестник. — 2013. — № 3 (40). — С. 59–68.
- Новые книги. На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 гг.). Дорожные заметки и воспоминания С. Максимова. СПб., 1864 // Современник. — 1864. — № 9. — С. 53–68.
- Прокофьева А. Г. Литературное Оренбуржье: библиографический словарь / А. Г. Прокофьева, В. Ю. Прокофьева, О. В. Федосова, Г. Ф. Хомутов; редкол.: Н. Ф. Корсунов [и др.]. — Оренбург: Изд-во «Оренбургская книга», 2006. — 272 с.
- Пытин А. Н. История русской этнографии: [в 4 т.]. Т. 1. — СПб.: тип. Стасюлевича, 1890. — 424 с.
- Раз...н <Размахнин П. Е.> Картина башкирской жизни // Заволжский муравей. — 1832. — № 3. — С. 156–159.
- Рахимкулов М. Бытописатель Башкирии. (Поэтно-революционер П. М. Кудряшев) // Урал. — 1960. — № 12. — С. 175–178.
- Рахимкулов М. Г. Страницы дружбы: Русско-башкирские литературно-фольклорные связи. — Уфа: Башк. кн. из-во, 1972. — 256 с.
- Рахимкулов М. Г. Встречи с Башкирией: От Пушкина до Чехова. — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1982. — 223 с.
- Рахманов Б. Р. Эволюция «восточной» повести в русской литературе XVIII — начала XIX вв. // Филология. — 2016. — № 2(2). — С. 11–15.
- <Свиньин П. П. От редакции> // Отечественные записки. — 1822. — № 21. — Январь. — С. 1–3.
- <Свиньин П. П.> Петр Михайлович Кудряшев, певец картинной Башкирии, быстро Урала и беспредельных степей Киргиз-Кайсацких // Отечественные записки. — 1828. — Ч. 35. — № 100. — С. 164–165.
- Созина Е. К. Романтическая поэма в творчестве оренбургского поэта П. М. Кудряшева // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов / О. В. Зырянов, Т. А. Снигирева, Е. К. Созина и др. — Екатеринбург: УрО РАН, 2010. — С. 182–227.
- Созина Е. К. Этнографическая беллетристика в русской литературе рубежа XIX–XX в. // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской / отв. ред. В. А. Ромодановская, И. В. Силантьев, Л. В. Титова; Ин-т филологии СО РАН. — М.: «Индрик», 2015. — Т. 2. — С. 625–636.
- Созина Е. К. Репрезентация Восточной России на страницах казанского журнала «Заволжский муравей» (1832–1834) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему»: коллектив. моногр. — Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. — С. 242–278.
- Соколова В. Ф. Этнографическая «школа Даля» в русской литературе середины XIX в. // Традиция и новаторство русской прозы и поэзии XIX–XX в.: сб. науч. тр. — Н. Новгород: Новгородский гос. ун-т, 1992. — С. 67–75.
- Трубицын Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. (Очерки). — СПб.: тип. Главного Управления Уделов, 1912. — 590 с.
- Чеботарева Е. Г. Народническая беллетристика в литературном процессе 70–80-х гг. XIX века: Генезис, типология: автореф. ... канд. филол. н. / Вятский гос. гуманитарный ун-т. — Киров, 2009. — 25 с.
- Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тенденции, типология. — М.: «Народный учитель», 2002. — 216 с.
- Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: Истоки, тип творчества, история развития: автореф. ... д-ра филол. н. / Моск. областной пед. ин-т. — М., 2004. — 47 с.
- Хубитдинова Н. А. Художественное отражение фольклора в литературе XIX века. К проблеме русско-

башкирских фольклорно-литературных взаимосвязей. — Уфа: Гилем, 2011. — 126 с.

Юган Н. Л. Инонациональная этнография в творчестве В. И. Даля как этап развития русской литературно-этнографической школы // Научный вестник Международного гуманитарного университета. Сер.: Филология. — 2015. — № 19. — Т. 2. — С. 76–80.

REFERENCES

Danilov V. V. Dedushka russkikh istoricheskikh zhurnalov («Otechestvennye zapiski» P. P. Svin'ina) // Istoricheskiy vestnik. — 1915. — Т. 141. — № 7. — С. 109–129.

Danil'chenko G. D. «Vostochnaya» povest' v russkoy literature XIX veka: (K voprosu o zhanrovo-stilevom svoeobrazii otrazheniya temy Vostoka v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka) // Russkaya literatura XIX v.: metod i stil'. — Frunze: Kirg. gos. un-t im. 50-letiya SSSR, 1991. — С. 42–52.

Zhirumskiy V. M. Bayron i Pushkin. — L.: Nauka, 1978. — 424 s.

Kazanskaya periodicheskaya pechat' XIX — nachala XX veka: bibliogr. ukazateli. — Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1991. — 87 s.

Kaftanikov. Araslan-babr. Bashkirskaya povest' // Zavolzhskiy muravey. — 1833. — Ch. 1. — № 1. — С. 3–19; № 3. — С. 129–145; № 5. — С. 246–266.

Kubacheva V. N. «Vostochnaya» povest' v russkoy literature XVIII — nachala XIX veka // XVIII vek. Sb. 5. — M.; L.: Nauka, 1962. — С. 295–315.

Kudryashev P. M. Pis'ma P. P. Svin'inu // RO RNB. F. 679. Svin'in. Op. 1. Ed. khr. 76.

Kudryashev P. Kirgizskiy plennik. (Byl' Orenburgskoy linii) // Otechestvennye zapiski. — 1826. — Ch. 28. — № 79. — Noyabr'. — С. 273–290.

Kudryashev P. Predrassudki i sueveriya bashkirtsev // Otechestvennye zapiski. — 1826b. — Ch. 28. — № 78. — Okt'yabr'. — С. 65–82; № 79. — Noyabr'. — С. 206–223.

Kudryashev P. Abdryash. Bashkirskaya povest' // Otechestvennye zapiski. — 1827. — Ch. 29. — № 81. — Yanv. — С. 126–145; № 82. — Fevr. — С. 322–508; № 83. — Mart. — С. 509–520.

[Kudryashev P.] Darzha. Kalmytskaya povest' (bez podp.) // Otechestvennye zapiski. — 1829. — Ch. 39. — № 113. — Sent. — С. 379–401; Ch. 40. — № 114. — Okt. — С. 67–86.

Kudryashev P. Sokrushitel' Pugacheva, Iletskiy kazak Ivan (Orenburgskaya povest') // Otechestvennye zapiski. — 1829b. — Ch. 40. — № 115. — Noyab. — С. 233–259; № 116. — Dek. — С. 423–447.

Kudryashev P. Iskak. Tatarskaya povest' // Otechestvennye zapiski. — 1830. — Ch. 43. — № 124. — Avg. — С. 164–193; № 126. — Okt., noyab., dek. — С. 43–106.

Kudryashev P. M. <Soch.> // Bashkiriya v russkoy literature: v 5 t. / sost., predisl. i dr. M. G. Rakhimkulova. — Т. 1. — Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1961. — С. 71–141.

Kudryashev P. M. Sochineniya. — Chelyabinsk: Izd-vo Igorya Rozina, 2013. — 304 s.

Kudryashev P. M. Stikhotvoreniya. — Chelyabinsk: Izd-vo Igorya Rozina, 2014. — 128 s.

Lyubichankovskiy S. V. Imperiya Romanovykh i problema upravleniya kul'turno-geterogennym prostranstvom // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. — 2013. — № 3 (40). — С. 59–68.

Novye knigi. Na Vostoke. Poezdka na Amur (v 1860–1861 gg.). Dorozhnye zametki i vospominaniya S. Maksimova. SPb., 1864 // Sovremennik. — 1864. — № 9. — С. 53–68.

Prokofeva A. G. Literaturnoe Orenburzh'e: bio-bibliograficheskiy slovar' / A. G. Prokofeva, V. Yu. Prokofeva,

O. V. Fedosova, G. F. Khomutov; red-kol.: N. F. Korsunov [i dr.]. — Orenburg: Izd-vo «Orenburgskaya kniga», 2006. — 272 s.

Pyvin A. N. Istoriya russkoy etnografii: [v 4 t.]. Т. 1. — SPb.: tip. Stasyulevicha, 1890. — 424 s.

Raz...n <Razmakhnin P. E.> Kartina bashkirskoy zhizni // Zavolzhskiy muravey. — 1832. — № 3. — С. 156–159.

Rakhimkulov M. Bytopisatel' Bashkirii. (Poet-revolutsioner P. M. Kudryashev) // Ural. — 1960. — № 12. — С. 175–178.

Rakhimkulov M. G. Stranitsy družby: Russko-bashkirskie literaturno-fol'klornye svyazi. — Ufa: Bashk. kn. iz-vo, 1972. — 256 s.

Rakhimkulov M. G. Vstrechi s Bashkiriye: Ot Pushkina do Chekhova. — Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1982. — 223 s.

Rakhmanov B. R. Evolyutsiya «vostochnoy» povesti v russkoy literature XVIII — nachala XIX vv. // Filologiya. — 2016. — № 2(2). — С. 11–15.

<Svin'in P. P. Ot redaktsii> // Otechestvennye zapiski. — 1822. — № 21. — Yanvar'. — С. 1–3.

<Svin'in P. P.> Petr Mikhaylovich Kudryashev, pevets kartinnoy Bashkirii, bystrogo Urala i bespredel'nykh stepey Kirgiz-Kaysatskikh // Otechestvennye zapiski. — 1828. — Ch. 35. — № 100. — С. 164–165.

Sozina E. K. Romanticheskaya poema v tvorchestve orenburgskogo poeta P. M. Kudryasheva // Evolyutsiya zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshcherossiyskikh protsessov / O. V. Zyryanov, T. A. Snigireva, E. K. Sozina i dr. — Ekaterinburg: UrO RAN, 2010. — С. 182–227.

Sozina E. K. Etnograficheskaya belletristika v russkoy literature rubezha XIX–XX v. // Krugi vremen : V pamyat' Eleny Konstantinovny Romodanovskoy / otv. red. V. A. Romodanovskaya, I. V. Silant'ev, L. V. Titova; In-t filologii SO RAN. — M.: «Indrik», 2015. — Т. 2. — С. 625–636.

Sozina E. K. Reprezentatsiya Vostochnoy Rossii na stranitsakh kazanskogo zhurnalа «Zavolzhskiy muravey» (1832–1834) // Literaturnyy protsess v regional'noy periodicheskoy pechati 1830–1930-kh gg.: ot «Zavolzhskogo murav'ya» k «Ural'skomu rabochemu»: kolektiv. monogr. — Ekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy, 2016. — С. 242–278.

Sokolova V. F. Etnograficheskaya «shkola Dalya» v russkoy literature serediny XIX v. // Traditsiya i novatorstvo russkoy prozy i poezii XIX–XX v.: sb. nauch. tr. — N. Novgorod: Novgorodskiy gos. un-t, 1992. — С. 67–75.

Trubitsyn N. O narodnoy poezii v obshchestvennom i literaturnom obikhode pervoy treti XIX veka. (Ocherki). — SPb.: tip Glavnogo Upravleniya Udelov, 1912. — 590 s.

Chebotareva E. G. Narodnicheskaya belletristika v literaturnom protsesse 70–80-kh gg. XIX veka: Genezis, tipologiya: avtoref. ... kand. filol. n. / Vyatskiy gos. gumanitarnyy un-t. — Kirov, 2009. — 25 s.

Fokeev A. L. Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom protsesse XIX veka: istoki, tendentsii, tipologiya. — M.: «Narodnyy uchitel'», 2002. — 216 s.

Fokeev A. L. Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom protsesse XIX veka: Istoki, tip tvorchestva, istoriya razvitiya: avtoref. ... d-ra filol. n. / Mosk. oblastnoy ped. in-t. — M., 2004. — 47 s.

Khubbidinova N. A. Khudozhestvennoe otrazhenie fol'klora v literature XIX veka. K probleme russko-bashkirskikh fol'klornoliteraturnykh vzaimosvyazey. — Ufa: Gilem, 2011. — 126 s.

Yugan N. L. Inonatsional'naya etnografiya v tvorchestve V. I. Dalya kak etap razvitiya russkoy literaturno-etnograficheskoy shkoly // Nauchiy visnik Mizhnarodnogo gumanitarnogo universitetu. Ser.: Filologiya. — 2015. — № 19. — Т. 2. — С. 76–80.

Данные об авторе

Елена Константиновна Созина — доктор филологических наук, профессор, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Уральский федеральный университет (Екатеринбург).

Адрес: 620049, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

E-mail: elenasozina1@rambler.ru.

About the author

Elena Konstantinovna Sozina, Doctor of Philology, Professor, Institute of History and Archaeology, Ural of Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University (Ekaterinburg).